

En ti belfaal
tan tam i ileyi

ТЫ УЖЕ
ПРИНАДЛЕЖИШЬ
МНЕ

книга 2

БОСИКОМ ПО

Алекс Д
Лана Мейер

Всё

Восточные (не)сказки

Алекс Д

Босиком по пеплу. Книга 2

«Лана Мейер»

«Алекс Д.»

2020

Д А.

Босиком по пеплу. Книга 2 / А. Д — «Лана Мейер», «Алекс Д.», 2020 — (Восточные (не)сказки)

Дочь арабского шейха не имеет права на ошибку, но я ее совершила – влюбилась в лучшего друга и отдала ему свою невинность. Я верила – нам с Нейтоном суждено быть вместе, наивно полагая, что отец позволит мне самостоятельно выбрать будущего мужа. «– Ты выйдешь замуж после окончания университета, Алисия. За Амирана аль-Мактума – наследника Анмара». Амиран: – Клятвы верности, первая брачная ночь, твоя невинность и наши будущие дети – все это уже принадлежит мне, Алиса. – Нет, я не хочу. Тогда я еще не знала, что для Амирана аль-Мактума не существует иной воли, кроме его собственной. Ответив «нет» я подписала смертный приговор себе, своей семье и Нейтану.

© Д А., 2020

© Лана Мейер, 2020

© Алекс Д., 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алекс Д., Лана Мейер

Босиком по пеплу. Книга 2

Пролог

– Такая ласковая сегодня, tatlim, – ухмыляюсь я, без усилий разгадав ее игру. – Хочешь доставить мне удовольствие или снова что-то натворила?

– По-моему я давно не отказываю тебе в удовольствии, – она кладет ладони на мои плечи и тянется к губам с чувственным мурлыканьем.

«Я помню, какие звуки издаешь ты, Ли. Помню, как ты стонешь, теряя контроль над своим телом, как выгибаешься и умоляешь трахать тебя сильнее».

– Не отказываешь, tatlim, – я отстраняюсь, удерживая ее лицо за скулы. – Быстро вошла во вкус.

«Почти с первого раза ты была такой, Ли...»

– Почему ты так смотришь? – спрашивает едва слышно, скользнув вопросительным взглядом по моему застывшему лицу. Вряд ли Алиса способна осознать, чего мне стоит удержаться от желания свернуть ей шею. Прямо сейчас. Здесь. Без суда и следствия. Иначе не смотрела бы на меня с растущим волнением, а кричала, умоляя о помощи.

– Как? – голос звучит грубо. Алиса дергается, почуяв неладное и приглушенно стонет, когда мои пальцы сжимаются на ее скулах сильнее.

«Наши последние встречи, ты помнишь? Ты часами могла скакать на мне, Ли».

– Как тогда... на озере, – сдавленно выдыхает она, часто и испуганно моргая.

«Если ты такая горячая девочка, может, твоей щедрости и на меня хватит?»

Сука, ты, tatlim. Сука, черт бы тебя побрал. Закрыв глаза, проглатываю яростный рык, мысленно перегрызая глотку разбушевавшейся кровожадной твари, жаждущей ее слез, боли и унижений.

Моя сука. Никто не тронет. Даже я. Расслабив пальцы, резко отпускаю Алису, и отступаю на пару метров назад, поворачиваюсь спиной.

– Амиран... – она опрометчиво делает шаг в мою сторону.

– Нет, не подходи, – стальным тоном приказываю я. – Стой, где стоишь. Я расскажу тебе об истории этих комнат. Хочешь?

– Нет, я хочу уйти, – подавленно отзывает Алиса. – Ты странно себя ведешь.

– Шейх, владеющий дворцом до меня, обустроил этот этаж для провинившихся наложниц и жен, – игнорируя ее просьбу, начинаю я. – Раздев догола, он запирает их в этих комнатах, лишая привычных удобств и средств гигиены. Наказание длилось от пары дней до нескольких месяцев. В зависимости от тяжести проступка. Шейх считал, что ничто не собьет с женщины спесь, как отсутствие зеркала, мыла, зубной пасты, шелкового белья, сплетен и секса. Говорят, он хвастался, что его метод работал безотказно, но радость шейха длилась недолго. Во времена переворота он попал под опалу короля и был повешен на главной площади Асада, как и другие заговорщики.

– Несчастных женщин шейха освободили?

– Нет, не успели, – отвечаю безучастным тоном. – Они совершили массовое самоубийство в день казни шейха.

– Здесь? – ошеломленно восклицает Алисия.

– Нет. Их тела выловили из залива следующим утром.

– Какой ужас! – ее передергивает от услышанного. – Зачем они это сделали?

– Наверное потому, что любили, – равнодушно пожимаю плечами. – Не смогли жить без своего мужа и господина.

– Это болезнь, психическое отклонение, что угодно, но не любовь, – импульсивно заявляет Алисия.

– Разве? – скептически отвечаю на эмоциональный выпад жены. – Со стороны диагноза ставить всегда проще. Куда сложнее разобраться в себе. Ты же побежала босиком по пеплу навстречу смерти. Побежала не думая, не оглядываясь, – напоминаю о недавних событиях. – Ради любви?

Она не спешит с ответом. Я слышу ее участившееся дыхание, чувствую разрастающийся женский страх. Медленно повернувшись, смотрю в блестящие кристально-голубые глаза, смотрю долго, не отрываясь, и она тоже не смеет отвести взгляд. Алиса уже не сомневается, не догадывается, а точно знает, что очередной ее секрет разоблачен.

– Ради жизни, Ран, – всхлипывает с отчаянным надрывом. – Я знала, что ты убьешь его, если ...

– Знала? Откуда, Алиса? Я убил его? Выдвинул хотя бы одно из обвинений, по которому ему грозил тюремный срок?

– Одно выдвинул. Самое тяжелое в анмарской системе правосудия.

– Он в тюрьме? – рявкаю я, и вздрогнув, Алисия испуганно жмурится.

– Нет, – она мотает головой, – Амиран... Я не могла сказать... – порывисто прижимается ко мне всем телом, цепляясь пальцами за лацканы пиджака, смотрит в глаза сквозь пелену слез, и снова умоляет: – Прошу тебя. Хамдан ничего плохого не хотел.

– Я отлично видел и слышал, чего хотел Хамдан, – схватив ее за плечи, отрываю от себя и грубо встряхиваю. – Ты снова солгала мне, Алиса. Я обещал тебе наказание. Оно начнется прямо сейчас.

– Амиран..., – отчаянно шепчет Алисия, смахивая с щек ручейки слез.

– Снимай одежду. Всю. Ничего не должно остаться, кроме этого..., – подняв с пола упавшую во время наших баталий сумку, рывком дергаю молнию и достав футляр с ожерельем, бросаю к ее ногам. – Оно действительно лучшее из коллекции ювелирного холдинга Адама Саадата, но блистать ты будешь в нем здесь. А не на свадьбе сестры.

– Церемония состоится? – испуг в распахнутых глазах сменяется облегчением, взрывая во мне волну неконтролируемого бешенства.

– Я лично за этим прослежу, – сардонически ухмыляюсь. – И организую свадебное путешествие новобрачных. Они проведут весь отмеренный срок под надежным вниманием моей охраны. Она молчит, глотая слезы. Ошеломленный взгляд мечется по моему лицу.

– Удивлена, tatlim? Надеялась на другой исход? – спрашиваю со злой иронией. – Наверное, он тоже, когда заварил всю эту кашу. Как ты правильно заметила, умереть легко, а сражаться за свою жизнь, свой выбор и свою страну дано не каждому. Именно этим твой герой и займется сразу после возвращения из медового месяца. Он будет направлен на военную службу в Зулейер, – бесстрастно озвучиваю принятое решение.

– Но там война!

– Генерал войны не боялся, пусть берет пример с отца, – равнодушно отзываюсь я, дергая завязки на ее абайе, и взявшись за край ворота, разрываю почти до низа. – Остальное сама снимешь, или помочь?

– Нет, я не стану, – она с шипением бьет меня ладонями по плечам и с кошачьей резвостью отскакивает назад. – Ты меня не заставишь, – вздернув подбородок, продолжает пятиться. – Я не твоя рабыня.

– Будет, как я хочу, – отрезаю угрожающим тоном, неумолимо приближаясь. Она отчаянно мотает головой. Вздрагивает, наткнувшись на стену.

– Стой, я сама, – сдается загнанная в угол Алиса, сверля меня униженным ненавидящим взглядом. – Сама, – повторяет тише, начиная неловко снимать с себя одежду и бросать мне под ноги.

– Быстрее, – подгоняю я, бесстрастно наблюдая за суетливым и отнюдь не эротичным процессом раздевания. Оставшись полностью обнаженной, Алисия расправляет плечи, откидывая за спину густую волну белокурых волос, и снова позволяет себе вызывающий взгляд в мою сторону.

– Не забудь про колье, – носком обуви толкаю по полу футляр. Стиснув зубы, она выполняет. Не с первого раза, но у нее получается застегнуть украшение. Наши взгляды сталкиваются в немом противостоянии.

– Нравится? – с глухой злостью спрашивает Алиса. Я отрицательно качаю головой, шагнув вперед. Она недоверчиво ухмыляется. А, может быть, все еще не понимает, что игры кончились.

– Не обманывай себя, Ран. Ты чувствуешь удовлетворение, наблюдая за моим унижением, – кричит в ней уязвленная гордость.

– Нет, tatlim, не удовлетворение, – приблизившись вплотную, дотрагиваюсь до переливающихся камней на изящной шее. Бриллиантовый блеск на фарфоровой коже привлекает внимание, завораживает. Tatlim блистает даже в этих убогих декорациях, ни на секунду не сомневаясь, что она и есть главное сокровище.

– Тогда что? – допытывается Лиса. Запустив ладонь в рассыпавшиеся по спине пепельные локоны, лениво пропускаю их между пальцами.

– Бесконечное сожаление, – склонив голову, я едва касаюсь губами ее лба, и резко отстраняюсь. – Доброй ночи, Алиса, – собрав с пола ворох одежды, разворачиваюсь и иду прочь, оставляя тигрицу в ее новой клетке, раз старая пришлось не по вкусу.

Глава 1

Амиран

В палате госпиталя стоит звенящая подавляющая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием неподвижно лежащей на кровати Алисии. Кислородная маска на ее лице и капельницы очищают пострадавшие легкие и кровь от ядовитого угарного газа, которого она успела наглотаться, пока висела на краю огненной пропасти. Еще минута, и мои люди, следующие по пятам за убегающей парочкой, не успели бы ее вытащить. Гибель tatlim в мои планы не входила.

– Я этого не хотел, – тихо говорю, дотрагиваясь до ее бледной, как воск, руки. Она не слышит, и это к лучшему. Будь Алиса в сознании, то непременно набросилась бы на меня, как дикая кошка. – Приручить тебя лаской не вышло, tatlim, – горько ухмыляюсь я, глядя на трепещущие опаленные ресницы. – И угрозы тебя не испугали. Что же мне делать с тобой, девочка?

Она делает глубокий вдох и продолжает крепко спать. Дыхание Алисы стало гораздо мягче, чем час назад, но мне от этого не легче. Можно убедить себя в том, что она сама бросилась в пекло, но ведь это не так.

Я подтолкнул, дал надежду на свободу, хотя знал, что нет ни малейшего шанса добраться до раскаленному песку до вертолета в отмеренный промежуток времени.

Тем не менее, никто не должен был пострадать.

Даже Каттан.

Я сказал, что буду стрелять, но не сообщил куда. Вертолет являлся изначальной целью поражения. Я, вообще, был уверен, что в последний момент у них хватит ума отказаться от побега. Хотя бы у Каттана. Он-то должен был осознавать, что их мечтам не суждено осуществиться. О чем думал этот влюбленный идиот?

Они оба ненормальные.

Но я – нет. Мне стоило просчитать все варианты и исключить опасность.

А еще я понимал, знал с самого начала, что Алисия бежит не столько за своим Хамданом, сколько от меня. От тех чувств, что я в ней вызываю, а они есть. Есть и много. Ненависть – лишь сотая часть накрывшей ее лавины. Она боится не справиться, боится принадлежать, и в тоже время инстинктивно жаждет этого. Часть противоречивой души tatlim хочет, чтобы я решил за нее, избавил от сомнений, лишил выбора. Я даю ей именно это. Забираю весь груз вины и ответственности, принимая решение за нас обоих.

Я не имею права на сомнения, и теперь знаю, насколько далеко моя тигрица способна зайти, готова ли до конца сражаться за то, что считает своей судьбой и выбором.

Во мне по-прежнему нет сомнений, что эта женщина моя. Была и будет.

Сложнее объяснить, чем я вызвал в ней такой ужас?

Она готова бежать по пеплу с ним, чтобы не быть со мной.

– Почему ты так отчаянно сражаешься со мной, tatlim? – еще один вопрос гаснет в тишине палаты. Медикаментозный сон, как минимум, продлится до утра.

Осмотревшие Алису врачи, заверили, что опасных для жизни повреждений нет. Шок, токсическое отравление и несерьезные ожоги на ступнях, которые со временем исчезнут, не оставив и следа. Три дня под наблюдением докторов в палате, и потом можно смело возвращаться к нормальной жизни.

Но Алиса вряд ли сдастся без боя. Ее нормальная жизнь не включает меня. А без меня, у нее не будет жизни. Потому что я не согласен. Мне проще пристрелить ее, чем отпустить. А значит нет ни одного шанса уйти от меня.

Вот такая у нас неразрешимая задача, хотя Колман Мердер поспорил бы на этот счет. По его мнению, нерешаемых уравнений не существует, и я склонен ему верить.

Потерев ладонями онемевшее от усталости лицо, смотрю на свою измученную сопротивлением обожжённую тигрицу пару минут и отхожу к окну. Устремив рассеянный взгляд на безупречный ландшафт сада, на время отключаюсь от всех мыслей. Через два часа мне нужно вылетать обратно на очередное срочное совещание, а я не спал больше суток. Частный госпиталь находится на территории моей резиденции и при желании я могу пойти в свои апартаменты, позволить себе час глубокого сна, прежде чем вернуться в рабочий режим, но какого-то черта медлю.

Осторожно открыв дверь, в палату бесшумно проскальзывает Дайан. Я узнаю сестру по шагам. Она приближается ко мне, встает рядом. На Алисию упорно не смотрит. Невзлюбила мою избранницу с первого взгляда. Женское чутье, не иначе.

Какое-то время мы молчим. Я скучаю по сигаретам Мердера, которые все равно бы не смог выкурить в стенах госпиталя. Колман остался на временной базе, развёрнутой на месте аварии, собирает данные, ищет виновных. И найдет. Когда это случится, я смогу выдохнуть свободнее. И, может быть, мы покурим вместе. Но выявление ответственных за взрыв не отменит его разрушительных последствий. Я должен готовиться к худшему варианту развития событий.

– У центральных ворот Адам Саадат, – негромко произносит Дайан. – Он требует, чтобы его пропустили и позволили увидеться с дочерью.

– До утра она будет спать. Я оставлю распоряжение, чтобы его впустили, когда Алиса придет в себя, – резюмирую не терпящим обсуждений тоном. Повернувшись, упираюсь спиной на стекло панорамного окна, скользнув взглядом по напряженному профилю сестры. – Говори, я же вижу, как тебя разрывает, – даю свое официальной разрешение окончательно уделать мои перегруженные мозги.

– Не понимаю, Амиран, – шумно выдыхает Дайан, глядя в сад. – Решаешь проблемы целого королевства, а в женщинах абсолютно не разбираешься. И я догадываюсь почему. Ты столько лет ставил в приоритет воплощения политических амбиций, экономя время для личной жизни.

– Ты утрируешь, Ди. С личной жизнью у меня все в порядке.

– Я говорю не о сексе, Мир. Твои элитные эскортницы не в счет. Ты не умеешь строить отношения.

– Я и не должен этого уметь. Разве наш отец умел? А он – абсолютный монарх.

– И ты ненавидишь его за то, как он поступил со всеми нами, – напоминает Дайан. Я не отвечаю. Она и так знает, что права. – Зачем тебе сдалась эта глупая девчонка? Чего ты добился своим упорством? Носился с ней, как ... – сестра морщится, пытаясь подобрать подходящее слово. – Разведись. Избавься, пока не поздно. Ради нее самой. Посмотри, что ты уже наворотил. А что дальше?

– Дайан, развода не будет, – протянув руку, я мягко касаюсь ее щеки, давая понять, что свое решение обсуждать не буду ни с кем. – Смирись, у меня появилась женщина, которая потеснит твой авторитет.

– Ни черта подобного, – оскорблённо хмурится Ди. – Она предала тебя дважды, Мир. Как ты можешь сравнивать сестру и непредсказуемую сумасшедшую, от которой можно ожидать чего угодно. Или безумие заразно, и ты тоже свихнулся, Амиран? Она тебя бешенством случайно не заразила во время случки?

– Не ругайся. Тебе не идет, Дайан. Грубость не украшает ни одну женщину. Прости, но мне нужно идти, – целую ее в лоб, прощаясь. На самом деле время у меня еще есть, а вот желания слушать претензии сестры – нет. – Будь здесь, пока Алиса не проснется. Сообщи мне, когда это случится.

– Постой, – Дайан удерживает меня за руку. – Где сейчас Хамдан Катган? Она наверняка будет спрашивать.

– Там, где ему и положено быть – в камере предварительного заключения до выяснений всех обстоятельств, – холодно отвечаю я, мгновенно превращаясь в готового изрыгать огонь дракона. – На ее вопросы ты отвечать не обязана. Оставь это мне, Дайан. Я разберусь.

– Я вижу, – скептически фыркает сестра, выразительно кивая на спящую в кровати Алису. – Уже разобрался.

– Это трагическая случайность, Ди, – отрезаю я, прежде чем покинуть палату.

Глава 2

Алисия

Чтобы просто открыть глаза, я выстояла кровожадный внутренний бой со своим отражением. Часть меня, категорически не хотела возвращаться к ужасающей реальности, где все зашло слишком далеко, сломалось, разрушилось.

Одни руины остались от моей прежней жизни.

Самое страшное, что я сама превратилась в обуглившиеся обломки той Алисии Саадат, которую всегда знала.

Амиран Мактум столкнул меня в пылающий кратер.

Он стал тем, кто подстелил мне под ноги пепел, и он будет тем, кто закопает меня в этом черном песке.

Чтобы уже наверняка не сбежала. Я слишком поздно осознала, что это бесполезно – убежать от эмира можно только в объятия смерти.

А я хочу жить. Сейчас, я как никогда, хочу жить! Быть счастливой, создавать и созидать, привнести в этот мир пусть маленький, но значительный и благой вклад.

Просыпаться невыносимо тяжело. Все органы чувств включаются постепенно. Фантомные боли в груди разрывают до ломоты в костях, и это несмотря на дозы лекарств и успокоительных, которыми меня напичкали. Я распознаю их по характерному медицинскому запаху. От специфического аромата сводит живот, а изнанку горла царапают крупницы сухой пыли, которой я вдоволь нахлебалась накануне.

Из положительных моментов пробуждения – жизнерадостное чириканье птиц за окном и мелодичный призыв муэдзина к молитве, доносящийся из ближайшей мечети.

При всей моей нелюбви к строгим традициям этой страны и религии, я искренне люблю звуки азана, вводящие меня в особое, медитативное состояние, полностью избавляющее от боли и лишних мыслей.

Я верю в то, что Бог един, несмотря на многообразие религий и свою принадлежность к исламу. Если я до сих пор жива, значит, он не покинул меня, несмотря на испытания, которые преподнёс мне.

Вытесняя боль ощущением благодарности, я окончательно открываю веки. Следом за зрением, возвращается и полное ощущение своего тела в пространстве и эмоции от тактильных чувств.

Легкие наполняет аромат парфюма, знакомый с самого детства. Этот цитрусово-терпкий аромат – папин любимый.

Адам Саадат рядом, не сводит с меня обеспокоенного и переполненного любовью, взгляда.

Несокрушимая и сильная ладонь шейха сжимает мою. Я перевожу взгляд на наши крепко сцепленные руки, медленно рассматривая символы на бронзовой коже отца.

Сразу замечаю букву «А» набитую у него под костяшкой большого пальца. На правой руке у него таких букв пять – по одной на каждого из любимых детей.

А. К. А. Д. М.

Сердце наполняет теплое всеобъемлющее чувство любви, полностью вытесняющее обиду и горечь.

Перевожу взгляд на его сосредоточенное лицо, скованное железной маской. Джаред Саадат – маэстро в контроле над своими эмоциями. Истинные чувства выдает лишь то, что радужка

его глаз приобретает цвет расплавленного серебра, в которых растворена любовь невероятной силы.

Когда я пытаюсь пошевелить кончиками пальцев, ступни обдаёт жжением. Легкая агония заставляет меня в красках вспомнить отчаянные и жуткие мгновения моего фееричного свободного падения.

«Держись, Ли. Не отпускай мою руку», – озаряет мое видение голос Нейтана.

– Нейт! – вздрогнув всем телом, пытаюсь вскрикнуть. Голос сиплый, непослушный, будто чужой. Порывисто сжимаю ладонь Адама, словно вновь замираю над пропастью и отчаянно хватаюсь за руку Хамдана. – Папа. Скажи мне... он жив?

– Жив, Алиса. Он находится под стражей в ожидании приговора. К сожалению, Хамдан по-прежнему остается главным подозреваемым в организации теракта, – сердце заходится в хаотичном танце. Мелко дрожащие плечи и прибор, звучно отсчитывающий пульс, подсвечивают мое состояние.

Замечая тревожность и нестабильность, папа мягко проводит ладонью по моим волосам, передавая мне частичку своего железного самообладания. Помогает выпить стакан воды, и только в этот момент я осознаю, что на мне все это время находилась кислородная маска.

– Врачи сказали, что уже можно снять. Твоему здоровью ничего не угрожает, – пульсирующая венка на его виске буквально кричит мне о том, что у отца была тяжелая ночь.

Когда наши взгляды снова встречаются, я замечаю непривычный и трогательный блеск в его глазах. *Нежность, горечь, радость, печаль, осуждение, непонимание, праведный отцовский гнев...* его взгляд полон сострадания и того самого первородного страха, который живет внутри каждого родителя с первых секунд жизни своего ребенка – страха навсегда потерять продолжение самого себя.

– Пап, прости меня, – слова вылетают всего лишь с губ, но на самом деле кричит сердце.

Не представляю, что они с мамой пережили за эти часы или дни, которые я нахожусь в больнице. Если бы на моем месте оказался бы кто-то из них, я бы не смогла ни есть, ни спать, пока бы не убедилась в том, что беда обошла нашу семью стороной.

В такие моменты понимаешь, что нет ничего важнее семьи и бесценных секунд человеческой жизни и времени с родными.

– Амиран. Он сказал, что мы с Нейтом можем бежать... я так хотела спасти его, пап. Просто не знала, что мне делать. Была в отчаянии, запуталась, всем рискнула. Прости меня, – всхлипываю я, припоминая, что главным условием побега стало фактическое обрывание всех семейных уз. Мышцы лица парализует гримаса боли. Я кусаю губы, ощущая, как грудную клетку печет изнутри. – Я, правда, Нейтана. Он тоже моя семья, пап. Мне казалось, что я не могу поступить иначе. Думала, что должна спасти его любой ценой.

Или убежать от Амирана. Я пока не понимаю, почему этот мужчина вызывает во мне такую бурю эмоций – кажется, что, если я когда-нибудь приму их, я просто не выдержу, не вынесу.

Боюсь, что он займет всю меня, а не только мое сердце. Боюсь, что в каждой клеточке будет жить, потечет по венам – заколдовав, забрав, присвоив.

Боюсь, что распадусь на части, осяду в его ладони россыпью острых осколков. Меня пугает мысль о том, что моя жизнь может быть всецело вверена в его твердый кулак. Боюсь потерять себя рядом с ним.

Или найти себя настоящую?

– Алиса, – тяжело выдыхает отец, на мгновение, прижимаясь лбом к костяшкам моих пальцев. – Ты не представляешь, в каком состоянии была мама, когда выпытала у меня все в мельчайших подробностях. А если бы она видела это своими глазами, у нее бы сердце остановилось.

– Ты все видел? Ты был там?

– Мы с Каттаном приехали в тот самый момент, когда ты висела над полыхающей бездной. Алиса, это были самые жуткие пять секунд в моей жизни.

– Если бы не Нейтан, я была бы уже мертва, – я до сих пор помню, как крепко держал меня Нейт. Наши ладони были влажными и скользкими от безумной пробежки по аду, но это не помешало ему выиграть время для моего спасения.

– Если бы не Каттан, этого бы даже не произошло! – хлестким тоном отрезает отец, заглядывая в мою душу фирменным пронизательным взглядом.

– По-твоему я должна была подвергнуть любимого человека смертельной опасности? Пап, это все Амиран. Он поставил меня перед выбором, который невозможно сделать. Если бы я не решила бежать с Нейтом, его кровь была бы на моих руках...

– Алиса! – не выдержав, вновь повышает тон Адам Саадат. – Если он действительно взорвал месторождение нефти, он понесет наказание за гибель людей и всех пострадавших. Заслуженно и справедливо. Включи голову хотя бы на пять минут, дочь. К моему глубочайшему сожалению, все складывается не в пользу Нейтана. Алисия... поверь, к Хамдану я отношусь хорошо и всегда считал его достойнейшим и подающим надежды парнем, иначе бы не отдал бы в его руки одну из своих главных драгоценностей – Камилу. Остается только надеяться на то, что он будет полностью оправдан. Судьба Каттана, как и его должность в тандеме с будущим положением в Анмаре – в руках эмира.

– Но почему ты не посчитал его достойным для меня, папа? Ничего бы этого не было, если бы ты сдержал свое обещание о моей свободе, – с легкой укоризной лепечу я. – Если бы отказал Амирану в его желании и глупой прихоти, – *«обзавестись красивой и породистой самкой в его постели»*.

Последнее я не смею произнести вслух.

– Устал, Алисия. Объяснять тебе что-либо. Я отказал Амирану. Я настаивал на том, что одобряю ваш брак, но только в случае, если ты ответишь эмиру взаимностью. Но Амиран оказался весьма подготовлен к дебатам. И прямо намекнул мне на то, что если я продолжу настаивать на отказе, то он придаст *ряд инцидентов, произошедших на озере*, публичной огласке, – насупив брови, строго произносит отец. Пальцы ног и рук леденеют мгновенно. – А именно, твою табуированную связь с лучшим другом. Алиса, не нужно на меня так смотреть... ты уже не маленькая.

– Мы знали друг друга с детства... проводили так много времени вместе, не без вашей помощи. Мы не сделали ничего плохого тогда... мы просто любили друг друга, – заливаясь краской, отчаянно отстаиваю наше право на чувства.

– В Анмаре, женщине запрещено вступать в интимные отношения до брака. Ты об этом знала. Знала, кем в нашей стране считают такую девушку и *какую тень* она отбрасывает на свою семью.

– Знала, но.., – господи. Выходит, только глухой и слепой не знал о нашем романе с Нейтаном.

– Мы обсуждали это с тобой, Алисия. И я уверен, ты прекрасно помнишь мои слова? Какое я обещание тебе дал?

– *Что я сама выберу себе мужа и поеду учиться в США.*

– Если.., – надавив на больное, заставляет меня вспомнить тот давний диалог папа.

– Если я буду соблюдать все необходимые правила. Которым следует придерживаться в Анмаре, являясь дочерью правителя центральной провинции, – нервно сглотнув, заканчиваю за него я.

– Именно, Алиса. Я позволил уехать тебе учиться в Америку. Надыхаться твоей любимой свободой, походить без ненавистной тебе абайи. Предлагал альтернативный вариант университета в Асаде, но не настаивал. Не мог отказать тебе в твоей мечте. Согласись, я вас всех избаловал, – папа ласково поглаживает внешнюю сторону моей ладони большим пальцем, про-

долгая до мурашек пронизывать своим взглядом и тем фактом, что, не напрягаясь, читает меня, как открытую книгу.

– Я всегда хотел и хочу для тебя всего самого лучшего. Если между тобой и Хамданом ничего бы не произошло – у меня бы были шансы противостоять эмиру. Но подумай сама, Лиса. Подобный факт о тебе оставил бы отпечаток на Камиле и Анджелине – ни один достойный мужчина не согласился бы взять их в жены в этой стране. И никто из твоих сестер не рвался в западную жизнь, как ты. Теперь понимаешь, Алисия? Мы не обычная семья. Не хочу, чтобы это звучало высокопарно, но это так. Возможно, кому-то подобный грех бы сошел с рук, но не девушке, что у всех на виду. Ты – *Алисия Саадат*, – делая акцент на нашей фамилии, подводит черту отцу.

– Я думала, что Нейтан в итоге будет моим мужем, – осознавая весь масштаб нашей спешки и роковой ошибки, бормочу я.

Мой голос вибрирует, дрожит, надламывается. Невероятно сложно разговаривать с папой о подобных вещах – я чувствую себя совершенно голой и сгораю от стыда и неловкости, смущения и отчаяния.

– Не вини себя, Алисия. Я все понимаю. Понимаю, что ты чувствовала, почему не смогла остановиться... первая влюбленность сносит крышу. Но не всегда первая влюбленность становится первой и последней любовью. Ты знала, что есть правила. Ты нарушила их, но это в прошлом. Да, последствия оказались разрушительными. Когда ошибаться, как не в юности? Просто именно в вашем с Натаниэлем случае, все сложилось против вас и вылилось в череду необратимых последствий... – приподнимая брови, философствует отец. Не понимаю, как ему удается так мягко и тактично расставить все по полочкам, при этом наказывать меня, не повышая голоса и не обвиняя ни в чем. – Задумайся. Может быть, сама судьба против того, чтобы вы были вместе? Мактуб, милая. Так предначертано.

– Мама сказала, что судьба может заключаться в испытаниях, которые мы пройдем, и в итоге будем вместе. И я напоминаю, что не знала, что являюсь невестой принца! Когда... когда была с Нейтом.

– А Нейтан знал, Алиса. Знал с самого начала, – отрицательно замотав головой, до последнего пытаюсь опровергнуть обвинения в сторону Нейтана. – И он не подумал о тебе и о твоём будущем, когда пошел против правил и отнял у тебя невинность. Натаниэль поступил эгоистично, подставил тебя под удар. Поступил в два раза эгоистичнее, переспав с тобой, осознавая, чем это может обернуться. И до последнего подставлял, пытаюсь сбежать с тобой. А ты? Уверена, что была готова умереть за него?

– Нейтан ни в чем не виноват, папа. А Амиран просто хочет завладеть одним из брильянтов «Лакшери-корп»! И это не мое раздутое самомнение, а мягкая форма его слов! – возмущаюсь я, имея в виду некрасивые слова Амирана. Я для него всего лишь красивый алмаз, породистая самка, кто угодно, черт подери... только не любимая женщина.

– Амиран – наследник нашей страны. У него есть к тебе чувства, Алисия. Как мужчина, я все вижу и читаю по его взгляду в твою сторону. Ты знаешь наши законы. Знаешь, что последнее слово за королевской семьей...

– Видишь? Вчера он держал дуло пистолета напротив моей груди, пап... это ты тоже видишь?

– Ты что-то не договариваешь, Алиса. Я вижу лишь то, что он заслонил бы тебя от пули, если бы она летела в тебя.

Возведя глаза к потолку, я продолжаю сгорать от негодования. Мне никогда не понять, почему папа не видит, что Амиран представляет для меня опасность.

Со мной безопасно, Алисия.

– Я думаю, что никто не защитит тебя так, как он, Алисия. Когда-нибудь ты поймешь, о чем я тебе говорю.

– Надеюсь сейчас, все будут удовлетворены, пап. В конце концов, я выхожу за него замуж. Выбора у меня нет. Все довольны, да?

– Ты уже его жена Алиса, – прочистив горло, отец ставит меня перед фактом. Одергиваю руку, резко разрывая наши сцепленные ладони. Легкие превращаются в два колких айсберга.

Мне показалось? Это такая шутка?!

– Почему ты так со мной, пап? – не в силах сдержать эмоций, едва ли не плачу я. – Почему все происходит за моей спиной? Разве я не заслужила уважения и хорошего отношения?

– Заслужила, принцесса. Именно поэтому, я действовал так, потому что мне хотелось, чтобы у Амираана и мысли не возникло вскрыть о тебе некрасивые факты. Вот и все. У тебя будет красивая свадьба, если ты захочешь. То, что первая ее часть состоялась без тебя – формальность, с которой нужно смириться, являясь принцессой Анмара.

Я тяжело выдыхаю. Точнее, пытаюсь дышать, но не могу запастись кислородом. Голова вновь начинает болеть и кружиться.

Выходит, все проблемы из-за того, что мы с Нейтаном не сдержали тогда свои чувства.

... Я хочу целовать тебя... как в машине...

... Так целуй, чего ждешь?..

– Папа, зачем мы вернулись сюда? – тихо спрашиваю я. – Ты же ненавидел эту страну. Я помню, как ты говорил об этом маме. В детстве ты был другим. Ты всегда был между востоком и западом. Эта участь досталась и мне. Ты выбрал восток. А сам делаешь выбор за меня... несправедливо.

– Выбрал, потому что повзрослел и перестал быть эгоистом, Алисия. Выбрал, потому что мы с Мэл нуждались в этом. В переезде. И она тоже. Ты не знаешь, что бывает между людьми, даже самым любящими и понимающими друг друга, после десяти лет брака. Кризисы бывают у всех, и они требуют изменений. Это долгая история, Алисия. Поехав за мной, твоя мама в очередной раз доказала мне, что мне досталась лучшая женщина в мире. И я хочу сделать его лучше. У всех есть своя миссия, я увидел свою здесь, в Анмаре. Бизнес – это развлечение. Политическое кресло в США меня никогда не интересовало. Здесь, в Анмаре... мое место мог бы занять мой брат, и многим бы, пришлось не сладко. И конечно, мне нравится то, что твоя мама много времени уделяет вам, нашей семье, направляет меня. Но об этом я уже говорил тебе, Алисия. То же самое могло бы быть и подвластно тебе, согласишься ты спокойно на брак с Амирааном. Я узнал, что он хотел подарить тебе редакцию на свадьбу. Редакцию, где могли бы работать одни женщины. Ты хоть понимаешь, какое бы влияние ты оказала на него, на всю страну?

– Да. Он говорил, что подарит... но с некоторых пор, я не доверяю его слову.

С минуту мы просто молчим, обмениваясь немymi, но всеобъемлющими взглядами. В конце концов, папа просто крепко обнимает меня, касаясь губами виска.

– Тебе нужно успокоиться. Все принять и обдумать.

– Да. Наверное, ты прав. Мой мир разрушен, я больше никогда не буду с любимым, – угнетенным тоном, подвожу итоги нашего разговора я. – Но, наверное, однажды мне станет легче. Так? – кидаю вопросительный взгляд на Адама. – Что для тебя любовь, папа?

– Любовь... – он расплывается в знакомой полуулыбке. Она всегда трогает его губы, когда он впервые за день видит маму. – Любовь – одержимость. Нежность. Боль. Страсть. Счастье. Радость, надежда, вдохновение, сила. Любовь – это запах, кайф. Когда всем нутром, каждой фиброй своей души, знаешь: она – твоя женщина. Единственная и неповторимая. Ты смог бы жить без неё, но ты не хочешь без нее жить. Подымаешь, когда она далеко и оживаешь, когда слышишь ее звонкий смех. Любовь – это вы. И это то, что также проверяется временем и совместным проживанием, детьми и проблемами. У любви столько граней, Алиса... ты познала лишь ее малую часть, и заранее отреклась попробовать на вкус другие. Из-за своего упрямства. Ты чувствовала нечто такое?

Конечно, нет. С Нейтаном... нет. Чувства к нему не похожи на те, что описал папа.

– Ты намекаешь на то, что я не люблю Нейтана?

– Заметь, не я это сказал сейчас, дочь. Четыре года назад ты уехала в США. Зная, что целый год не увидишь Нейтана. Я тебе предлагал учиться в Асаде. Понимаешь, к чему я клоню?

– Да, но...

– Ты выбрала себя и поступила правильно. Ты даже не думала, принцесса. А теперь, мне нужно идти. А тебе набраться еще больше сил. Просто подумай над всем, о чем мы поговорили сегодня.

– Я люблю тебя, – тихо выражаю свою благодарность отцу я. В голове сейчас слишком много мыслей, чтобы попытаться оформить их в слова.

– А я тебя. Мое сердце разрывается за тебя, принцесса. Я люблю вас всех. Ты наша первая девочка. Мамины глаза, папино упрямство. Мы создали совершенство, – усмехается Адам.

Снова заключив меня в сильные стальные объятия, папа нежно проводит ладонью по моему плечу. Всего лишь просто движение, которое как ничто другое вселяет в меня надежду на то, что что все будет хорошо. Когда-нибудь... обязательно будет.

– Папа, откуда ты знаешь, что Амиран достоин меня? Он заставил меня бежать по пеплу... – окликаю отца, когда он направляется к выходу.

Адам Саадат замирает у двери, и, повернувшись ко мне, бросает:

– Я знаю, потому что я видел выражение его лица, когда твои ступни сгорали от боли. В глазах наследника не было ничего, кроме агонии и раскаяния. А ведь обычно он прекрасно справляется со всеми своими эмоциями.

* * *

Через три долгих дня в личном госпитале аль-Мактумов, где меня навестила мама, братья и сестры, я перемещаюсь в резиденцию Амирана. В уже знакомую мне спальню – которая, слава Богу, не напоминает мне комнату для его личной шлюхи.

Дайан сказала, что Амиран уехал и неизвестно когда вернется.

Мне осталось лишь кусать губы и локти, пытаюсь просчитать, каковы шансы Нейта остаться в живых. Каковы его шансы на справедливый суд? Я уверена в его невиновности. На двести процентов. Но по-прежнему не знаю, чего ждать от Амирана...

Последние четыре дня я провожу на свежем воздухе и читаю книги, чтобы хоть как-то отвлечься от дурных и подавляющих мыслей. Постоянно обдумываю разговор с отцом, анализируя его слова и взвешивая каждый совет. Обычно, я все делаю по-своему. Но сейчас понимаю, что с Амираном аль-Мактумом это не работает.

Сейчас... мне даже удалось принять свой брак с Амираном. Я даже готова пожелать искреннего счастья Камиле и Нейтану, лишь бы спасти, не допустить для него смертной казни...

К седьмому дню, я приобретаю прекрасную привычку – встречать закат на огромном балконе-террасе, прилегающем к моей спальне. Я просто пью воду с лимоном и бесконечно долго смотрю на то, как солнце утопает в облаках – настолько пушистых и низких, что возникает иллюзия невероятной близости этих объектов.

Сегодня закат особенно волшебный. Небосвод постепенно проявляет все оттенки розового, трансформируясь в нежно лавандовый цвет. В густом грозовом облаке, нависающем прямо над океаном, образуются две сквозные дыры, пропускающие через себя два ярких солнечных луча. Глядя на них, можно представить себе, что это глаза самой Вселенной.

И почему-то сегодня она меня просит довериться ей.

Я встаю с качели, установленной на веранде, и подхожу к широкому каменному ограждению балкона. На плечи падает пара капель дождя, вызывая необъяснимую улыбку. Повер-

нувшись спиной к ограде, я приподнимаю себя на запястьях, и запрыгиваю на бортик. Конструкция достаточно широкая, чтобы я могла спокойно сидеть здесь, и не переживать за то, что могу упасть.

Расправив руки, словно крылья, я запрокидываю голову к небу, подставляя лицо редким каплям дождя. Закрываю глаза, представляя себя абсолютно свободной... дышу полной грудью. Впервые, за долгое время.

– Ты снова хочешь упасть, *tatlim*? – обрывает мое одиночество Амиран аль-Мактум.

Он здесь.

И я чувствую, что мое падение сегодня в любом случае состоится. А он не еще не знает, что, если столкнет меня снова – я заберу его с собой.

Амиран

За минувшую неделю, это мой первый визит в резиденцию. И не могу сказать, что я рад возвращению. Напротив, чувствую себя еще более злым и уставшим после выматывающего пребывания на временной базе, вблизи места катастрофы. Радоваться нечему. Ни одной гребаной причины выдохнуть. Ситуацию на месторождении стабилизировать не удалось, платформа затонула, пожар локализовали только три дня назад. Завтра завершается срочное строительство купола над местом взрыва, но есть риск, что облако ядовитого смога все же успеет добраться до Асада, и тогда народу придется объяснять, какого хрена они вынуждены дышать отравленным воздухом. В сети уже стали появляться фото очевидцев, успевших снять момент взрыва. Черный дым заметили на расстоянии сотни километров. Подобные публичные выбросы подчищают спецслужбы, но слухи и предположения уже поползли, а, значит, скоро можно ждать наплыва американских агентов. Если АРС пропустит хотя бы одного, ситуация станет критичной.

– Где она? – вместо приветствия, резко спрашиваю я, столкнувшись в холле с Дайан, специально вышедшей встретить меня. Сестра недовольно хмурится, возводя глаза к потолку. Следом за Дайан в поле зрения появляется Афра. Бросается ко мне на мягких длинных лапах, трется о ноги, издавая радостные мурлыкающие звуки, тычется пушистой мордой в ладони, напрашиваясь на ласку.

– И тебе здравствуй, брат, – не обращая внимания ни на мой тон, ни раздраженный вид, Ди обнимает меня и целует в щеку с сестринской нежностью. – Воняешь дымом, выглядишь, как дикарь, – улыбается с сочувствием. – Алиса у себя. Она почти не выходит. Мало ест и всячески меня игнорирует. И, кстати, твоя пума тоже ее не любит. Скалится и шипит, как только ее видит, – ловлю еще один выразительный взгляд Ди, говорящий, как сильно она не согласна с моим выбором.

Можешь не верить, сестренка. Но я сам не понимаю, как умудрился так круто вляпаться, так же взглядом отвечаю Дайан. Она тяжело вздыхает, словно услышала.

– Это знак, Мир. Животные чувствуют людей. Не веришь, мне, прислушайся к Афре.

Я бы рассмеялся, не будь настолько измучен.

– С каких пор ты стала замечать знаки? Может, таро разложишь? Или шамана позовешь.

– Чтобы изгнать ведьму, – смеется Ди. Мне снова не смешно. Вот ни йоту.

– Не ходи к Алисе таким, – помрачнев произносит Дайан, заметив что-то в выражении моего лица.

– Угомонись, я не собирался нести к ней сломя голову, – «как и она не спешит встречать мужа», добавляю мысленно. Разумеется, я не рассчитывал, что моя распутная жена соизволит спуститься. Не трудно догадаться, чем она занималась все эти дни – оплакивала неудачный побег, ненавидела меня и зализывала свои раны.

– Я вообще про сегодня. Тебе нужно выспаться, остыть, – конкретизирует Дайан. В ее словах есть зерно правды. Я высплюсь, непременно, но позже. Сначала проведу одну упрямую сучку.

– Похоже, что я горю?

– Ты в бешенстве, – осторожно произносит Дайан. Тоже мне откровение.

– Теперь это мое обычное состояние на ближайшие несколько месяцев, – иронично замечаю я. – Завтра ты возвращаешься в Америку. Твоя миссия здесь закончена, – ставлю сестру в известность о ее дальнейших планах. Она возмущенно фыркает, выражая свое несогласие. – Ди, не злись. Так надо. Мы с Алисой тоже уезжаем утром. Согласись, брать тебя в свадебное путешествие – не лучшая идея.

– Свадебное, что...? – опешив, бормочет Дайан. – Ты прикалываешься? Ты там перегрелся совсем? Или отравился? – я сжимаю челюсти, проглатывая грубый ответ. Иногда фривольная манера ее общения со мной корбит, вызывая раздражение и мне приходится напоминать себе, что Дайан Леманн – моя сестра, и ей позволено многое.

– Тебе пора собирать вещи, – сдержанно произношу я, отодвигая сестру в сторону. Размашистым шагом направляюсь к лестнице. Большая кошка преданно бежит за мной, игриво прихватывает штанины брюк.

– Афра, брысь, – отдаю команду, всегда работающую безотказно. Оставляя обиженную пуму и оскорбленную Дайан внизу, поднимаюсь в свои апартаменты.

– А ужин? – летит мне в спину.

– Доброй ночи, Дайан, – не оборачиваясь и не замедляясь, непринужденно бросаю я.

Смыв с себя гарь, пыль и копоть под холодной струей душа, чувствую себя лучше. Не хорошо, а скорее, терпимо. Облачившись в простые домашние штаны и рубашку, которую не удосуживаюсь застегнуть, бросаю тоскливый взгляд на огромную кровать, где мог бы вырубиться, едва коснувшись головой подушки.

В соседних комнатах, принадлежащих моей юной супруге, тоже есть постель, утешаю я, решительно направляясь босыми ступнями по теплomu полу в женскую половину. Пока иду, в голове невольно возникает застрявший кадр. Палящий зной, пылающее озеро, распалённый песок. Настоящий ад, в который Алисия ринулась за своим любовником, не сомневаясь и обжигая ступни. А потом на стоп-кадре следующий момент, где она висит над пропастью, держась за руку Каттана. Самые страшные несколько секунд в моей жизни. И в ее тоже. Да и в жизни отпрыска генерала наверняка не было эпизода ужаснее.

Чувство вины, охватившее меня изначально, давно испарилось, оставив только испепеляющий гнев. Всего этого могло бы не быть, если бы Алисия прислушалась к моим словам и к мнению близких. Упрямая, как черт.

В спальне, где она проводит большую часть времени, царит идеальный порядок, пахнет апельсинами и свежестью. Кровать, лишь немного уступающая размерами моей, тщательно заправлена. Немного сумрачно, потому что собирается дождь. Самая подходящая погода для сна, хотя мне вряд ли удастся поспать в ближайшие часы.

Почувствовав свежее дуновение на лице, поворачиваю голову в сторону террасы-балкона, на которую ведет распахнутая дверь. Алисия обнаруживается там, легкомысленно восседающей на перилах. Одетая во все белое. С распущенными пепельно-серебристыми волосами она кажется воплощением кротости, юности и невинности. Обманчивое видение.

Я мгновенно вспыхиваю от приступа кипящей злости, словно получив очередной плевок в лицо. Ей больше меня не одурачить распахнутыми голубыми глазками и смазливой мордашкой. Слишком хорошо я запомнил распухшие губы. Искусанные другим губы, которыми она готова была отсосать мне, лишь бы я его отпустил.

Я вряд ли когда-нибудь смогу забыть свое разочарование в тот момент, раздирающий гнев. Женщина, которую я выбрал своей королевой... Не знаю, как не убил ее, но я – был близок.

И до сих пор не остыл. Моя сестра, как всегда, оказалась чертовски проницательна.

А не подозревающая о моем присутствии Алисия, запрокинув лицо к затянутому тучами небу, ловит губами капли дождя, улыбаясь непонятно чему, и размахивает руками, похожими на крылья из-за широких рукавов. Полетать решила, малышка? – иронично ухмыляюсь про себя. Не налеталась еще?

– Ты снова хочешь упасть, tatlim? – я начинаю резко приближаться, и останавливаюсь в двух шагах от нее, задушив в себе инстинктивное желание стащить девушку на пол.

Она даже не вздрогнула, услышав мой голос, не изменилась в лице. Только чуть сморщила свой вздернутый нос. Когда мы виделись в последний раз, она дрожала от страха, стоя на коленях. Дрожала от страха не за себя и даже не передо мной. Моя жена умоляла оставить в живых ее любовника и готова была принести себя в жертву свирепому тирану взамен на свободу своего Ромео. Но ни жертва, ни рабыня мне не нужна. А жаль, соблазн очень велик.

– Как фанат кошек, ты должен знать, что у них девять жизней и они всегда приземляются на четыре лапы, – бесстрашно остроумничает Алиса, не открывая глаза и безмятежно улыбаясь. Ее наигранная невозмутимость раздражает еще больше, чем привычная дерзость.

– Ты не кошка, Алисия, – негромко отзываюсь я. – Если упадешь – разобьешься.

– Я устала бояться, – девушка неопределенно пожимает плечами.

Ветер играет ее белокурыми локонами, несколько волосинок прилипли к губам, так и умоляя их убрать, прикоснуться. Я подхожу ближе, вставая почти вплотную. Упираюсь одной рукой в ограждение сбоку от Алисии, вторую прячу в карман. Ей все сложнее становится притворяться, делая вид, что мое присутствие ее несколько не волнует.

Алиса напрягается, задерживает дыхание, непроизвольно сдвигается в сторону. Веки по-прежнему сжаты, но не потому, что она опасается взглянуть мне в глаза. Она помнит, что именно этого я все время требую от нее и дает понять, что ничего не изменилось. Она не собирается подчиняться и играть по моим правилам.

Наброшенная на плечи накидка, расходится в стороны, демонстрируя летнее платье на тонких бретельках, облегающее в талии, со струящейся короткой юбкой, задравшейся на бедрах. Сползаю взглядом вниз по стройному телу, к забинтованным ступням. Неудивительно, что Алиса почти не выходила. Наверное, для нее все еще сложно перемещаться самостоятельно. Но данный момент во мне нет ни капли сочувствия.

– Не скучала по мне, – это не вопрос, утверждение. Коснувшись тыльной стороной пальцев до ее лодыжки, изучающе смотрю в стремительно бледнеющее лицо. Алисия вздрагивает всем телом, закусывает щеки изнутри, отрицательно мотает головой. – А я о тебе часто вспоминал, tatlim. Представлял, что сделаю с тобой, когда удастся выбраться домой, – медленно веду рукой вверх по покрывшейся мурашками коже. – Ты можешь врать, что не размышляла, как это будет. Но верю, что моего возвращения ты не ждала, – я перемещаюсь, вставая прямо перед ней, распускаю завязки накидки, позволяя шелковой ткани сползти на мраморный пол.

Мелкий дождик капает на оголенные плечи и удивительно, что не шипит, соприкасаясь с горячей кожей девушки. Засунув указательные пальцы за бретельки платья, я несильно тяну Алису на себя, одновременно вклиниваясь между ее бедер. Она хмурится, упирается, дыхание рвется из груди сдавленными всхлипами.

– Понравился мой дворец, tatlim? – отвлекаю ее внимание от своих действий. – Ты проверила все комнаты, которые теперь принадлежат тебе? Платья, драгоценности – все твое, – резко дергаю хлипкие бретельки вниз, оголяя девушку до пояса.

– Мне ничего не нужно, – цепляясь за мои запястья, отчаянно бормочет Алиса. – Отпусти, – шипит, когда мои ладони нарываю на ее красивую грудь с розовыми чувствительными сос-

ками, отзывающимися на малейшее прикосновение. Я чувствую, как они твердеют под моими пальцами. Горячая и податливая, как воск. Она меня хочет, это невозможно не понять, но вместо удовлетворения, я ощущаю, как меня захлестывает злость, перерастающая в животное возбуждение.

– Лгунья, кое-что все-таки нужно, – задевая губами выемку на ее горле, ухмыляюсь я. Кончиком языка дотрагиваюсь до отчаянно бьющейся голубой венки, выдающей градус ее напряжения. – Прекрати упираться. Это смешно. Трахаться со мной тебе нравится, – сжимаю твердые соски, прикусывая влажную от дождя кожу на ее плече.

– Я не могу... мне все еще не хорошо, – Алисия начинает брыкаться сильнее, бьет по рукам, пытаюсь отползти назад, забыв, что за спиной пропасть. Я удерживаю ее, обхватывая за талию, и впечатываю в свое тело.

– Можешь, – с хриплым смешком отметаю ее уловки. – Твой лечащий врач каждый день скидывал мне отчеты о твоём состоянии. Активная сексуальная жизнь не противопоказана, tatlim. Специально уточнил сегодня утром.

Одной рукой удерживая ее спину, второй забираюсь под подол и немного отстранившись, стаскиваю с бедер кружевные трусики, которые тут же летят мне за спину. Быстро избавляюсь от рубашки, бросая на пол. Снова с усилием развожу в стороны стройные ножки, с голодной яростью пожирая взглядом практически голое тело девушки. Кое-где заметны следы от незаживших ожогов, но они не портят Алису. Ничто не способно ее испортить в моих глазах, кроме чужого члена.

– Амиран, давай поговорим. Нельзя так начинать..., – она пытается воззвать ко здравому смыслу, но куда там... Мои ладони по-хозяйски тискают сексуальную задницу под задравшимся чуть ли не до талии подолом. Выкинув руку вперед, Алиса дотрагивается до моего оголенного торса, желая остановить, и дергается, словно наткнулась на раскаленную стену. – Ран, я иначе представляла свою первую брачную ночь, – она, наконец, распахивает прозрачно-голубые глаза, они предсказуемо наполнены слезами. Надеется разжалобить меня? Зря.

– Смешно слышать от тебя о первой брачной ночи, tatlim, – во мне говорит бушующая злость. Подняв руку, я обхватываю ее горло, дотрагиваюсь большим пальцем до нижней губы. – Тем не менее, она у тебя была, – наши взгляды встречаются, и даже поливающий сверху дождь не способен унять жар, полыхнувший под кожей.

– Когда? – в аметистовых оазисах проскальзывает недоумение. Такой глупый вопрос. Словно у нее есть варианты.

– Ты забыла? – насмешливо спрашиваю я, почти касаясь губами ее губ. – Всегда знал, что у кошек короткая память.

– Не говори со мной как с идиоткой, – она повышает голос, заряжая меня очередным разрядом бешеной злости.

Глухо рыкнув, я стремительно склоняюсь к ее губам:

– Открой, – приказываю, заметив, как она поспешно сжимает губы. Алиса отрицательно качает головой, испытывая мое терпение. Столкнув нас лбами, я сверлю ее лицо настойчивым подавляющим взглядом. – Открой, tatlim. Или клянусь, я трахну твой чертов упрямый рот членом, а не языком.

– Я твоя жена, – ее голос звучит тихо, с укором. – Почему ты мне не сказал? Почему я узнаю об этом от отца?

– Я не обязан отвечать, – рычу сквозь стиснутые зубы.

– Ты меня проверял? – я молчу, сжимая пальцами ее дрожащий подбородок, неотрывно смотрю в требующие объяснений глаза. – Если бы я знала, то не осмелилась бы на побег. Я же не сумасшедшая... Ты тоже виноват, Амиран. Зачем тебе все это было нужно? Скажи мне, чего ты хочешь?

– Разве не очевидно? – дернув ее задницу на себя, толкаюсь выпирающей эрекцией между раздвинутых ног.

– Ты угрожал, что сделаешь меня своей шлюхой, а я уже была твоей женой. Зачем? – упираясь ладонями, настаивает Алиса.

– Какая разница, tatlim? Зато теперь я знаю, с кем имею дело, – оскалившись, я поддаюсь вперед, вынуждая ее откинуться назад. Алисия инстинктивно хватается за мои плечи, вспомнив, наконец, что внизу почти не меньше тридцати метров высоты. Даже кошка не выживет, если упадет.

– Что ты делаешь? – испуганно восклицает Алиса. В голубых глазах плещется отчаяние, страх, боль, уязвимость.

– Беру то, что принадлежит мне. Всегда принадлежало, – хриплю я, впиваясь в приоткрытые губы.

Увеличиваю угол наклона, заглушая женский вопль жестким поцелуем. Мой язык грубо врывается в ее рот, терзает, подчиняя, лишая иллюзий. В какой-то момент инстинкт самосохранения берет верх, и Алисия сдается, отвечая на мое бескомпромиссное вторжение. Сначала робко касается своим языком моего, потом смелее, постепенно включаясь в дикую схватку над пропастью. Адреналин в крови зашкаливает. Злость, страсть, безумие. Разум сдается, проигрывая животной похоти, инстинкты правят процессом.

Мы оба хрипло стонем, когда она обхватывает мои бедра ногами, прогибается, трется промежностью о вздувшийся пах, вжимаясь голой грудью в мой торс. Женские ладони на моих плечах смягчаются, двигаясь почти нежно. Стойкое ощущение фальши вынуждает меня разорвать жадный поцелуй. Горящие вызовом глаза смотрят в мои, покрасневшие губы кривятся в насмешливой улыбке.

– У тебя нет гордости, Амиран аль-Мактум, – шипит она мне в лицо, царапая мою шею острыми коготками.

– А у тебя нет стыда, tatlim, – разъярённо отвечаю. Чтобы она не говорила, я чувствую ее влагу, пропитавшую ткань моих брюк. – Рычишь, брыкаешься, а сама течешь, – добавляю грубым от возбуждения голосом, и резко отстраняюсь. Намеренно неторопливо опускаюсь взглядом вниз по ее телу, задержавшись на блестящих от выделившейся смазки и заметно припухших нижних губах. – От себя не убежишь, Алиса, – хрипло произношу, глядя в потемневшие мятежные глаза с красноречиво-широкими зрачками.

Она вспыхивает стыдливым румянцем с ног до головы, быстро сдвигая ноги. Поздно, малышка.

– В постель, – озвучиваю свои планы и, взяв ее подмышками, снимаю с мраморной столешницы балконного ограждения. Не ставя на пол, несу в спальню, словно беспомощного котенка. Она и весит почти столько же, сколько Афра и царапается так же. Не всерьез, напрашиваясь на взбучку. Но только я сегодня играть не намерен. Алисия исчерпала лимит моего хорошего отношения. Остается только это:

– Платье сними, – отдаю очередной приказ, бросив девушку на кровать.

Она падает на спину. Отползает ближе к изголовью, сбивая покрывало. Приподнявшись на локтях, прикрывает грудь волосами и застывает. Не моргая, насторожённо смотрит на меня огромными испуганными глазами, но не спешит подчиниться.

– Не провоцируй меня на грубость, девочка, – предостерегаю от глупых поступков, гипнотизируя Алисию непреклонным взглядом. – Если я сам сниму, тебе не понравится, – обещаю зловещим тоном.

Алиса съезживается, кусая губы, и неловкими движениями избавляется от последнего элемента одежды. Ее взгляд дрожит, концентрируясь на моем лице, пока я лениво стягиваю с себя штаны и опускаюсь коленями на кровать.

– Ран, – рвано выдыхает, взглядом умоляя меня остановиться и в тоже время обреченно наблюдая, как я неумолимо надвигаюсь. – Так нельзя, – отчаянно всхлипывает, понимая, что бежать больше некуда.

– Так – нельзя, – соглашаюсь я, с жесткой усмешкой. – На четвереньки, Алиса, – она вздрагивает как от удара. Глаза стремительно наполняются слезами.

– Собираешься трахнуть меня, как самку? – все-таки решается прояснить очевидный факт.

– Ты она и есть, – несильно шлепаю ее по бедру. – Давай, малышка, покажи мне свою красивую задницу. Будешь упираться дальше, начну с нее.

Последняя угроза срабатывает быстрее, чем приказной тон. Не скрывая своего негодования, Алисия выполняет то, что от нее требовалось, открывая мне фантастический вид на подтянутые ягодички и грациозно выгнутую спину. Откинув белокурую копну на расправленные плечи, смотрит прямо перед собой, не сутулясь, не опуская голову. В высоком изголовье кровати установлено зеркало, которое она из-за волнения не заметила. В отражение я могу наблюдать весь спектр обуревающих ее эмоций. Я вижу каждую.

– В постели нет места гордости и стеснению, tatlim, – вряд ли она поймет, что я имею в виду, но все равно говорю. – Раздвинь ноги, – новый приказ заставляет ее вздрогнуть. – Давай, Алиса, – снова шлепаю ее ладонью по тугой заднице. Алиса упрямо вскидывает голову, и растерянно замирает, поймав в зеркале мой дикий от желания взгляд. Устав ждать, расставляю ее бедра на устойчивую ширину. Сняв покрасневшую от шлепков задницу, тяну на себя, надавливаю чувствительной от острого возбуждения головкой на влажный вход и заполняю ее резким толчком.

Алиса коротко вскрикивает, пряча лицо за волосами, а я дурею от того, насколько она мокрая и горячая. Градус беснующейся похоти зашкаливает, и я набрасываюсь на нее со собственным мне эгоизмом. Сразу перехожу в жесткий бесперебойный темп. Хрипло рычу от острого удовольствия, разливающегося по всему телу нестерпимым голодом. Мало. Хочу еще. Хочу больше. И беру, жестко, выматывающее, грубо. Я так привык. Никогда не отдавать. Только брать.

Лишь одно исключение. Всего одно.

В прошлый раз я сдерживался, старался и мне это даже нравилось, а сегодня не хочу, не вижу смысла. Трахаю ее как взбесившееся животное, а у нее течет по бедрам, словно это именно то, что нужно моей маленькой сучке.

– Нравится, когда дерут, как шлюху, tatlim? – рвано бормочу я, до синяков сминая нежную кожу на бедра. Шайтан, почему она такая адски узкая. Как это возможно, черт? – Тебе повезло, девочка. Теперь только так и будет.

– Ран, слишком сильно, – сдавленно выдыхает Алиса. Но я не слышу. Мне плевать. Перед глазами пелена похоти, в висках взрывается пульс. Спальню заполняют влажные шлепки соединяющихся тел. Горячее вожеление нарастает в геометрической прогрессии, усиливая бешеное напряжение в мышцах.

– Боже, хватит, – она всхлипывает, колени скользят по покрывалу. Обхватив ее за талию, насаживаю на раскаленный член, долблюсь сильнее, стремительно приближаясь к своей разрядке. У меня нет цели доставить ей удовольствие, но она все равно его получает. Извивается, мычит сквозь стиснутые зубы. Выгнувшись, ударяет меня по рукам.

– Секунду, дай мне секунду, – умоляет пересохшими губами. Отползает к изголовью и, приподнявшись, хватается за выступы, прижимаясь грудью к охлаждающей поверхности зеркала. Жалобно всхлипывает, заметив, что я снова нависаю за ее спиной. Расталкиваю коленом дрожащие ноги. Она снова просит остановиться, призывно выставляя назад свою бесстыжую задницу.

– Маленькая голодная сучка, – рычу я, накрывая ее ладони своими, с силой толкаю эрегированный орган в пульсирующее тугое лоно, проникаю полностью. Опустив одну руку вниз, нахожу пальцами мокрый от соков набухший клитор. Прихватив зубами мочку уха, шлепаю кончиками пальцев по чувствительной плоти между бедрами, ощущая, как сильно мышечные стенки сжимают вбивающийся внутрь каменный член. В какой-то момент она напрягается всем телом, откидывая голову мне на плечо. Издаёт невнятный возглас, подставляя шею под мои жадные укусы.

– Боже... нет, – хриплый стон переходит в протяжный крик, вызванный первой судорогой оргазма. Я жадно сжимаю ее груди, выкручиваю соски, не замедляюсь, а с каждым толчком ускоряю точные движения, устремляясь навстречу собственному удовольствию.

Я добираюсь до финала через пару минут и с глухим стоном мощно разряжаюсь в дрожащее ослабевшее тело. Острое бушующее наслаждение забирает последние силы, на мгновение, стирая реальность. Удовлетворение в разы сильнее, чем в прошлый раз, и, черт, уверен, что это не предел.

Рухнув на спину, пытаюсь отдышаться, невидящим взглядом уставившись в высокий сводчатый потолок. Алиса лежит рядом, не касаясь меня, не двигаясь. На этот раз она не рыдает и не отворачивается, словно временно примирилась со своим положением или слишком оглушена очередным предательством своего тела. Выровняв дыхание, я жду, когда придет расслабленная ленивая лёгкость, которая накатывает после яркого оргазма, но напряжение никуда не уходит, а напротив – усиливается, концентрируюсь тяжестью в паху. Злое возбуждение возвращается с новой силой, стоит мне заметить, как Алисия бесшумно соскальзывает с кровати, собираясь сбежать в ванную.

– Вернись в постель, – требовательно бросаю я, поворачивая голову и встречаясь взглядом с бездонно-голубыми глазами. Сейчас они сверкают особенно ярко. Может быть виной тому вечернее освещение в спальне.

– Мне нужно..., – нерешительно мямлит, топчась возле кровати.

– Не нужно, – перебиваю настойчивым тоном. – Иди сюда, – подзываю ее, протягивая руку. Она упрямо стоит, не шелохнувшись, взгляд стекает с моего лица на плечи, скользит по груди, мышцам пресса, опускается ниже. – Направление верное, – одобряюще ухмыляюсь я и замечаю, как предательски розовеют ее щеки.

– Амиран, я хочу принять душ.

– А я хочу твои губы, tatlim, – обхватываю пальцами свой твердеющий орган, наглядно намекая, где именно я хочу ее губы. – Поздно изображать невинность, не находишь? – раздражаюсь, снова не дождавшись ответа. – Привыкай к новым условиям, Алиса. К тому же они приносят удовольствие нам обоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.